

Ю. И. Бойко**СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЛЕТСКИХ КОМИ В 1950–1960-е ГОДЫ¹**

В статье на основе полевых и архивных материалов рассматривается свадебный обрядовый комплекс летских коми в 1950–1960-е гг. Цель статьи – выявить основные изменения обряда, определить наиболее значимые традиционные элементы свадьбы, исполнение которых продолжало считаться обязательным. Представленный материал позволяет говорить о том, что в обозначенный период брак у летских коми санкционировался, прежде всего, благословением родителей, а также свадебным обрядом с участием родственников и односельчан. Брак продолжали заключать в соответствии с традиционным ритуалом, предполагающим соблюдение основных этапов проведения свадьбы: сватовство, «пропой», девичник, застолье в доме невесты и в доме жениха, обряды второго и третьего дня свадьбы. Сохранились обряды, связанные с переходом невесты в другую семейно-родовую и социально-возрастную группу. Вместе с тем отдельные этапы свадебного ритуала оказались совмещены, фиксируется упрощение обрядовых элементов, требовавших экономических затрат, изменяются и утрачиваются значение и смысл ряда ритуальных актов.

Ключевые слова: летские коми, свадебный ритуал, локальная традиция.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-306-315

Вступление в брак в крестьянской традиции – необходимое и важнейшее событие жизненного цикла. Основной формой заключения браков был свадебный ритуал, который представлял собой сложный комплекс обрядовых церемоний.

Свадебная обрядность традиционно привлекает пристальное внимание исследователей. В российской этнографии ее описание и анализ являются неотъемлемой частью работ, посвященных характеристике этнических и локальных групп [Бернштам 1983, 118–140; Макашина 2001, 473–574; Самоделова 2009, 56–115 и др.]. Политика советского государства в сфере семейно-брачных отношений, ее реализация в разные периоды и связанные с этим трансформационные изменения свадебной обрядности также стали объектами специальных исследований [Пушкарева, Казьмина 2003, 67–89; Адоньева 2017, 117–170; Васеха 2016, 295–338; 2020, 180–185; Корепова 2015, 121–133 и др.].

Характеристика свадебного ритуала коми-зырян представлена в трудах В. Н. Белицер, Ф. В. Плесовского, В. А. Семенова, П. Ф. Лимерова [Белицер 1958, 309–316; Плесовский 1968; Семенов 1992, 49–112; Лимеров 2000, 129–144]. В работах исследователей нашли отражение локальные особенности свадебных традиций, приговоров и причитаний прилузских коми [Плесовский 1968; Крашенинникова 2007, 33–51; 2015, 86–93; Шевченко 2009, 229–237; Мусанова 2011, 47–59; Бойко 2018, 125–138]. Свадебная традиция летских коми включена в каталог объектов нематериального культурного наследия Республики Коми [Объекты... 2020, 305–322].

Поскольку в результате происходивших в XX столетии социально-экономических, политических, культурных преобразований традиционный свадебный ритуал подвергся трансформационным изменениям, особый интерес вызывает изучение динамики развития свадебного обрядового комплекса в советский период. В данной статье рассматривается свадебная обрядность летских коми в 1950–1960-е гг. Цель статьи заключается в выявлении основных изменений, а также определении наиболее значимых традиционных элементов свадьбы, исполнение которых в рассматриваемый период продолжало считаться обязательным.

Летские коми проживают в бассейне р. Летки на самом юге Республики Коми (в современном административном делении – Прилузский район Республики Коми), в пограничной с Кировской областью зоне. В силу административного деления, по которому до 1929 г. большинство селений по р. Летка входили в состав Вятской губернии, летские коми развивались в тесных хозяйственно-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: FUUU – 2021-0010 «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений».

экономических и культурных контактах с русским населением. Это обусловило закрепление в основных компонентах традиционной культуры летчан, в том числе в свадебной обрядности, ряда особенностей, не характерных для других групп коми-зырян.

Основной источниковой базой данной статьи являются полевые материалы, собранные автором. Записи рассказов сельских жителей, вступавших в брак в 1950–1960-е гг., а также воспоминаний информантов о свадебном обряде производились как на коми, так и на русском языках. Существенно дополнить современные записи интервью позволили архивные материалы, относящиеся ко второй половине XX в., характеризующие состояние свадебных традиций в рассматриваемый период.

Создание новой семьи оставалось строго регламентированной сферой поведения человека. Свадьба, устраивавшаяся в соответствии с традиционным обрядом, как правило, длилась три дня и, по традиции, начиналась в воскресенье, соблюдался запрет на устройство свадеб во время поста. В числе значимых церемоний, сохранявшихся даже в случае, если остальные обряды традиционной свадьбы не проводились, было сватовство (*корасьём*). Обязательным являлось нечетное количество участников сватающей группы, в состав которой входили родители и крестные жениха. Сваты, приходившие обычно поздно вечером, зайдя в дом невесты, проходили по одной половине: «*Лактасны корасьны дай, ётик пӧлъя мунӧны, шӧр лабичас пуксясны, но корасьны ли мый лактин пӧ?*» («Придут свататься, по одной половине идут, на центральную лавку сядут, ну что, мол, свататься пришли?») (Перминова Парасковья Ивановна, 1926 г. р.). Для объяснения цели своего прихода разговор начинали в иносказательной форме: «*Менам кӧрӧма киссьӧма, колӧ виль кӧрӧма. Лактӧмӧ виль кӧрӧма корсьны*» («У меня рубаха порвалась, нужно новую рубаху. Пришли новую рубаху искать») (Зизганова Августа Михайловна, 1944 г. р.). Традиционных формул придерживались и родители девушки. Так, не желая отдавать дочь за предложенного жениха, старались не обидеть сватов, отговариваясь, например, молодостью невесты: «*”Миян бычко эськӧ эм да, только пышьялӧ, кутнысьӧ ог вермы. Тайӧ домӧ лактис. Тян видзан куканьыд эм?”*. А миян мам, кыла, шуӧ: “Миян вед куканьпыс эм да вед ёна нэр на”» («У нас бычок есть, только убегает, поймать не могу. В этот дом пришёл. У вас есть телка?») А наша мама, слышу, говорит: «У нас теленок есть, но ведь очень ещё молодой») (Югова Альбина Ивановна, 1960 г. р.).

Имеющиеся полевые материалы указывают на сохранение значимой роли родителей в брачном выборе детей: «*А ко мне жених пришел, я говорю маме: “Мам, ме некытчӧ ог мун”*» («Мама, я никуда не пойду»). Мама мне ответила: “*Валечка, колмас мунны, тӧ вед менам, шуӧ, витӧн. Ме нин самовартӧ пӧсьӧда, ме нин пызан вылӧ тэныд лэпта, ме нин чайтӧ тэныд кисьта, тэ только ӧтлаад пуксьы да пукав, да ю”*. Сиди мам и вӧчис, а ме ачым эг. («Валечка, придется идти, вас у меня пятеро. Я уж самовар поставлю, я уж стол тебе накрою, я уж чай тебе налью, ты только вместе садись и сиди, пей. Так мама и сделала, а я сама – нет»). *Хоть уже и дружили вместе, как брат с сестрой, два года, а корасьны лактис, дак ме шуа, ог мун* («а свататься пришел, дак я говорю – не пойду»). *Вот у меня мама и разозлилась: пойдешь, никуда не денешься, кого еще будешь ждать, кто еще к тебе подойдет? Вот так и пошло дело*» (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.); «*Я не дружила ни с кем, а ко мне свататься пришли. Мать говорит, это ведь знакомый человек, из одной деревни, что ты пойдешь куда-то, нас оставишь, а тут рядом будем жить. И я согласилась*» (Перминова Акси́нья Семеновна, 1938 г. р.); *Меня сватать приходили. Мать у жениха приходила, спрашивала, хочу ли пойти за ее сына замуж. Мы с женихом друг друга знали, местный тоже был, но не дружили. Меным мам шуис: “Тэ, ныланэй, менам дынын не олысь”* («Мама мне сказала: «Ты, доченька, со мной жить не сможешь»). *И тогда я согласилась замуж выйти <...> До этого тоже сватались другие, не соглашались. А тут согласилась. Все время ведь в девках не будешь жить. Пора было уже замуж выйти, 21 год исполнился дак»* (Осипова Вера Павловна, 1938 г. р.); «*На этой же улице у мужа невеста до меня была, невеста-то сама согласна была, пригласила, чтобы пришли с вином договориться о свадьбе. А мать-то не дала, отказала*» (Зизганова Августа Михайловна, 1944 г. р.).

Благоприятный исход сватовства закреплялся «пропоем невесты» (*юны невеста*), реже употреблялся термин *кикутӧм* (рукобитье), также зафиксировано обозначение *кӧсьысьӧм* (соглашение)²: жених и его родня приходили в дом родителей невесты, приносили с собой пиво, самогон или водку. Принесенным напитком сначала угощали невесту, после чего, как считалось, она уже не могла отказаться от свадьбы. Выражая свое согласие на брак, невеста накрывала на стол, ставила самовар:

² В рассматриваемое время отдельные структурные элементы предсвадебного этапа оказались совмещены и стали обозначаться каким-либо одним из зафиксированных терминов.

«Лактісны юны менё, тиёктісны пуктыны самовар. Невеста кё пуктё самовар, сідзкё сетё ассьыс согласіе петны верёс сайё» ('Пришли пропивать меня, велели поставить самовар. Если невеста ставит самовар, значит, дает свое согласие выйти замуж') [ФА СыктГУ: АФ 1339–2]. Обычай «пропивания» невесты, распространенный у летских коми, был также известен у соседнего русского населения, зафиксирован у коми-пермяков [Макашина 1997, 479; Голева 2017, 113].

В тот же день договаривались о свадебной дате, количестве гостей с обеих сторон, при необходимости обговаривали также сумму *приноса* (выкуп за невесту), состав подарков (*козин*) для родственников жениха, приданого. У летских коми существовала своеобразная форма заключения брака, характерная также для соседнего русского населения, коми-пермяков, поволжских финнов – свадьба с калымом, когда сторона жениха выплачивала определенную денежную сумму, на которую невеста готовила подарки для родных жениха [Плесовский 1968, 20, 110; Белицер 1958, 301; Смирнов 2005, 158]. В рассматриваемое время приданое, как и *принос*, перестает быть обязательным условием брака, изменяется состав приданого, что отмечается информантами: «Вот мама моя с Мутницы сюда пришла, замуж вышла, еще церковь в Мутнице была, да и венчались они там, в церкви. Ей в приданое корову с телятками дали. А мы росли, колхоз уже был, откуда у отца пять коров – то, нас пятеро дочерей. У меня свадьба была в 1961 году. А тогда же было? Ничего. Уже ведь коллективное хозяйство было» (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.); «Я выходила <замуж>, уже приданого не было. А если невесте давали корову, значит, жених берет богатую невесту, считалось. Овечек тоже в приданое давали. Невеста готовила подарки для свекрови, свекра, жениха, его братьев и сестер. Что-нибудь, хоть самотканое, хоть магазинское ситцевое. Это тоже богатая невеста считалась» (Окишева Пелагея Григорьевна, 1933 г. р.).

Поскольку семейное хозяйство оставалось основным источником доходов сельского населения, приданое в том или ином виде продолжало сохраняться. Как правило, состав приданого был таким: одежда девушки-невесты, постельные принадлежности; по возможности, деньги, мебель, предметы домашней утвари, а также старинные сарафаны, полотенца, скатерти [НА КНЦ: Ед. хр. 48. Лл. 116–117].

Обретение девушкой статуса невесты маркировалось ношением традиционного девичьего головного убора *головедец*, представлявшего собой венчик на берестяной основе, обтянутый красным сукном и вышитый разноцветным бисером, и особой прической – косой, убранной разноцветными лентами. Многие девушки носили также девичий сарафанный комплекс, получивший распространение у летских коми в 1920-е гг. (сарафан на узких лямках *лип сарапан*, *сатин-сарапан*, рубаху на кокетке из яркого ситца *көрёма*, передник *запон*): «Когда невеста идет приглашать на свадьбу, она надевает *головедец*, сарафан, *көрёму*, передник. Меня так наряжали. У меня фотография есть, я снялась в традиционной этой одежде» (Туркова Анна Михайловна, 1938 г. р.). По воспоминаниям информантов, традиционная одежда могла передаваться от одной невесты к другой: «Я замуж вышла в 1963 году <...> Сама еще с лентами ходила. Так все невесты ходили. Сарафан, *көрёма*, *головедец* носила, платок. Потом другой невесте передавали. Я у мамы носила сарафан. В наше-то время уже мы в платьях ходили, сарафанов-то не было. Вот и потом передавали друг другу» (Зизганова Августа Михайловна, 1944 г. р.); «Я с косой и лентами ходила, с *головецем*. У каждой девушки-то не было, а знают, что у кого есть, дак, попросят и дадут, чтобы невеста надела *головедец*» (Туркова Анна Михайловна, 1938 г. р.).

У летских коми существовала традиция предсвадебного посещения родственников с целью извещения о предстоящей свадьбе и приглашения к назначенной дате: «Невеста, за три дня, одетая в национальный сарафан, с лентами, вплетенными в косу, и венцом, обшитым бисером («головедец») на голове, накинув поверх сарафана «сукман» (пальто старинного покроя), вместе с подружкой обходит своих родственников, приглашая их на свадьбу <...> Жених в праздничном костюме обходит своих родных» [НА КНЦ: Ед. хр. 140. Л. 57].

Пожилые родственницы, хорошо знавшие традиционную обрядность, непременно оплакивали невесту, усаживаясь вместе с ней в простенке между окнами напротив входных дверей: «Женицыны, которые уже замужем, все на себе перенесли, дак, укроются шалью, невесту приобнимут, наклоняются да плачут. И дома невесту оплакивали, и когда она по родственникам ходит, тоже причитают» (Туркова Анна Михайловна, 1938 г. р.); «Невеста по родственникам ходила, оплакивали ее, приговаривали, что в девках было, что в замужестве ожидает тебя. Так наговаривают тебе, что хочешь-не хочешь, а заплачешь. Меня еще замуж отдавали, я еще редела» (Окишева Пелагея Григорьевна, 1933 г. р.).

Накануне дня свадьбы проводили прощальный вечер у невесты – девичник, приходившийся на субботу, *каризна рыт*, *блин сёян рыт* 'вечер поедания блинов'. Основным событием была обрядовая баня, устраивавшаяся поздно вечером или рано утром после девичника – *невеста пывсьёдём* 'паре-

ние невесты'. До отправления в баню крестная убирала ленты и расплетала волосы невесте. Расплетание косы, символа девичества, как правило, не обходилось без специальных причитаний, о которых современные информанты уже не помнят [Мусанова 2011, 50].

Мытье невесты в бане сопровождалось исполнением молодежью песен, частушек, стрельбой из ружей холостыми патронами: *«Менё мыськис вежань, пока мыськис, пыр лыйлсны пицальён, нылъя олём пё тукайтам»* ('Меня мыла крестная, пока мыла, всё время стреляли из ружья, девичью жизнь, мол, прогоняем') (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.). То же самое происходило и у бани, где мылся жених.

По свидетельству информантов, после обрядовой бани невесте надевали мужскую меховую шапку-ушанку, в которой девушка должна была оставаться до приезда жениха, при этом символический смысл данного обычая был уже утрачен: *«Сэсся вежань меным пуктис юр вылад шапка, сыналис да. Женик лактэдыд эса шапканад и олан. Ва юрас пукталёны невестааслы шапка, юрсисё мыськис дак мед пё косьёптас юрсиыс да мый да»* ('Затем крестная надела мне на голову шапку, расчесав прежде волосы. До прихода жениха в этой шапке и будешь. На мокрую голову невесте надевают шапку, голову, мол, помыла, пусть высохнут волосы') (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.). Согласно этнографическим материалам начала XX в., меховая шапка у летских коми находилась в числе важнейших ритуальных атрибутов, в частности, в ней невеста отправлялась в церковь на венчание [НМ РК: Ед. хр. 199. Л.109]. Традиция надевания меховой шапки на невесту обнаруживает аналогии со свадебными обычаями коми-пермяков, марийцев [Молотова 1992, 75; Лимеров 2000, 139].

В день свадьбы родители невесты встречали жениха с иконой, а также с пивом, хлебом-солью, топленым маслом, «чтобы, как по маслу, жизнь шла». Невеста, получив от крестного жениха подарок, включавший мыло, гребень, иногда зеркало, переодевалась в современное платье.

По воспоминаниям информантов, жених одаривал родителей невесты: *«Жених, когда уже на свадьбу поедет за невестой, тогда привозит выкуп: теще резиновые, раньшие лаковые, сапоги, тещю рубаху или штаны»* (Косолапова Валентина Михайловна, 1956 г. р.). Теща дарила жениху вышитое полотенце и рукавицы из овечьей шерсти, «чтобы держал дочь также мягко, как в рукавицах». Крестной невесты жених в качестве выкупа приносил вино *тоесь вина* 'букв. вшивое вино', после чего невесте повязывали платок, а головедец и меховую шапку передавали незамужней девушке *кёса кутысь* 'косу держащая'. Перемена головного убора четко связывалась в представлениях информантов с изменением социального статуса девушки, с началом нового этапа ее жизни: *«Сэсся женикыд лактё дак, головедецё убериётны и лента кучатё юрсисыд босьтёны. Всё, нылалсис эштис, ёни нин сэсся абы тэ девка, тэ нин ёни баба, мёлёдка. Раз нин ставсё женик убериётис юрсисыд да лактис тэно вадзны, значит тэ нин ёни мёлёдка. Сэки ёна ницёя олёмё, меным тай кутиймкё капроновой чышьян көртлсны жё. И сця подружкаяслысь кодлыськё, не ассьым, менам аслам эз вёл»* ('После прихода жениха головедец убирают и ленты с волос снимают. Всё, девичья жизнь закончилась, теперь ты уже не девка, ты теперь баба, молодка. Раз жених всё убрал с волос и пришёл за тобой, значит, ты уже молодка. Тогда очень бедно жили, мне какой-то капроновый платок повязали, и то у кого-то из подружек взяли, не свой, у меня своего не было') (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.).

В рассматриваемый период венчание как обязательный элемент обрядности заменялось домашним родительским благословением иконой, свежесдобитым хлебом, солью: *«Обязательно родители невесты должны были благословить иконой до того, как идти расписываться»* (Туркова Анна Михайловна, 1938 г. р.). Официальное оформление брака – государственная регистрация – было делом формальным. Следует отметить, что часто, особенно в отдаленных деревнях, регистрировали брак уже после проведения самой свадьбы, иногда только после рождения первого ребенка: *«Сельсовет был далеко, мы уже после всей свадьбы расписались. Тоже одевались красиво, на лошади поехали»* (Перминова Акси́нья Семеновна, 1938 г. р.).

После угощения в доме родителей невесты и получения благословения, молодые отправлялись к жениху. Обычно запрягали от двух до десяти лошадей, которых на время свадьбы брали в колхозе, упряжь украшали лентами, бубенцами: *«Жених привез меня сюда, семь лошадей запрягал, хотя от родительского дома моего всего двести метров. Жених был в колхозе бригадиром, а отец работал конюхом. Вот семь лошадей запрягли, украсили лентами, дугами красивыми. Посадили меня, просто катили по деревне, говорили, вот давай развеим молодость-то»* (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.). Для свадебного поезда также применялся автотранспорт: *«Жених с дружкой и крестным едут на легковой машине, а сзади на 1-2 грузовых – поезжане. Машины украшаются флажками, лентами, а летом – зеленью и цветами»* [НА КНЦ: Ед. хр. 140. Лл. 57–58]. В иных случаях из дома

невесты к жениху шли пешком: *«Мы на одной улице жили с женихом, никаких лошадей не было, взяли да и увели»* (Ортякова Аграфена Леонтьевна, 1937 г. р.).

При встрече молодых в доме жениха совершался обряд посыпания пухом домашней птицы как пожелание легкой и счастливой жизни. Современные информанты ссылаются на отсутствие необходимых знаний, позволявших полностью следовать свадебному этикету: *«В посводзе (‘в сенях’) свекровь встречала молодых, пухом посыпала нас из корзинки. Со мной рядом крестная жениха была, она меня заводила в дом, она и говорит свекрови (энька–мамыд): “Матрена Михайловна, вайёны тэныд работница, помощница. Ёні гённад кой, пёрышкинадён и покой». Уличысь леснич мед кайны, и заставитисны ся свекровкатё менсьым гённас койны менё: ноко мёдас кё чеччалны невестаыд, мёлёдкаыд, значит яр баба ловё. Помощница, яр баба. А оз кё вёрззы, оз кё чеччопты, значит дыш, дыш баба ловё». А меным свадебжана мышвылын, бёрсьым пырисны дак, горзёны: «Валя, эн чеччал», а мёдьяс бара шуёны: «Валя, чеччопты». А ме ог и чеччал. А он куж мый и вёчны»* (‘Матрёна Михайловна, ведут тебе работницу, помощницу. Посыпай сейчас ее пухом, пёрышками»). С улицы лестницу, чтобы подняться, заставили свекровь мою пухом меня посыпать: *«Ну-ка, если будет подпрыгивать невеста, молодка твоя, значит, рьяной бабой будет. Помощница, рьяная баба. А если не тронется с места, значит, ленивая, ленивой бабой будет»*. А мне свадебжане сзади кричат, за мной зашли дак: *«Валя, не подпрыгивай»*, а другие говорят: *«Валя, подпрыгни»*. А я и не подпрыгиваю. А и не знаешь, что нужно делать’) (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.).

Родители жениха благословляли молодых, стоявших под матицей, передавая им хлеб и соль, угощая пивом. Во время застолья выставляли кушанья, основу которых составляли традиционные блюда: мясной суп, различные каши, жареная рыба, картофель, запеченный в молоке, студень, яичница, разнообразная выпечка. Так, обязательным на столе считался мясной суп: *«Шыд ыджыдик чугуньясын сразу свадьба вылад и нуисны. Куим лун и сёйлём»* (‘Суп в больших чугунах сразу на свадьбу и варили. Три дня и ели’) (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.). Существовал строгий запрет на подачу во время свадебного застолья рыбника, который у летских коми по настоящее время рассматривается исключительно как ритуальное блюдо поминального стола. Из спиртных напитков распространено было домашнее пиво сур: *«Водки не было тогда, в магазине-то может и была, конечно, да купить-то не на что, только сур был, десять ведер делали. И со стороны жениха, и со стороны невесты»* (Осипова Вера Павловна, 1938 г. р.); *«денег не было, самогоном да суром праздновали»* (Черных Мария Романовна, 1927 г. р.).

Невестина родня привозила сундук с приданым, а также постель, которая в эти годы включала самодельный матрас, набитый соломой, пару подушек, одеяло. Брачное ложе молодым устраивали в голбце, сарае или в неотапливаемой избе, подкладывали в постель камни, дрова с целью получить от жениха гостинцы. Перед укладыванием молодые угощали каждого из присутствующих вареными яйцами, после чего молодуха разувала мужа, забирала выпавшие из обуви деньги.

Прическу замужней женщины молодухе делала крестная жениха в день свадьбы, либо после брачной ночи: *«Давай сделаем шмак, – крестная жениха сказала, – молодухе нужно шмак носить»* (Перминова Акси́нья Семеновна, 1938 г. р.). В рассматриваемое время летские женщины убирали волосы в пучок на затылке *мышкын шмак* ‘шмак сзади’, повязывали фабричный платок.

Во второй день свадьбы сур юан лун ‘букв. день распития пива’ невеста дарила подарки (*козин*) родне жениха и угощала пивом. Исследователи подчеркивали, что в современном свадебном обряде подарки дарили уже только самым близким родственникам [НА КНЦ: Ед. хр. 140. Л. 58]. В качестве подарков чаще всего выступали покупные элементы одежды, отрезы фабричной ткани. Наиболее дорогие вещи вручались родителям: *«полагается будущую свекровь одеть с ног до головы в одежду, соответствующую ее возрасту, или поднести отрезы (на юбку, кофту, передник, рубаху, платок и т.д.)»* [НА КНЦ: Ед. хр. 48. Л. 116]. Вместе с подарком новобрачная каждому вручала вареное яйцо и узнавала, как обращаться к новым родственникам: *«Позтыр сеталны мёдамё да: «Позтырсё любитан дак, босьт и висьтал, кыдзи тэно колё шуны». Энька мамыд босьтис позтыр да шуё: «Ме позтыртё сёя, а тэ шу менё, кыдзи мужикыд шуны мёдас. Сидзи тэ менё и шу. Ме тэныд лоа мам, энька мам»* (‘Яйцо будем давать и [говорим]: «Яйцо любишь дак, возьми и скажи, как тебя называть нужно». Свекровь взяла яйцо и говорит: «Я яйцо съем, а ты называй меня так, как муж твой называть меня будет. Так ты меня и называй. Я тебе буду мамой») (Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р.). Ритуальное одаривание невестой членов новой семьи, распространенное также в свадебных традициях других групп коми-зырян, у коми-пермяков, русских, марийцев, по воспоминаниям информантов, относилось к числу обязательных обрядовых церемоний [Лимеров 2000, 142; Макашина 1997, 488; Песецкая 2019, 319].

В этот день принято было угощаться блинами, приготовленными молодухой *молодка блин*. По традиции блюдо с блинами сначала подавали жениху и наблюдали за его действиями: переворачивание блинов свидетельствовало о целомудрии девушки. В то же время многие информанты, делившиеся воспоминаниями о своей свадьбе, уже не могли объяснить значение данного обрядового действия. По некоторым сведениям, блины жениху подавали уже после свадьбы в доме родителей невесты.

В третий день свадьбы *пирӧг сӕян лун* ‘день поедания пирогов’, принято было выпекать пироги *ёсьта пирӧг* ‘пирог с острями (занозами)’. Молодая готовила из ржаного недрожевого теста основу для пирогов, в которых запекались лучины, *корка*, свекровь выкладывала начинку из муки: *«коми пирӧгтӧ, пызьна пирӧг, пӧжаласны: корка вылад тестотӧ тӕчӧны и пӧжалӧны вылынник пышнӧй пирог»* (‘коми пирог, пирог с мучной начинкой, пекли: сверху на корку тесто кладут и пекут высокий пышный пирог’) (Перминова Акси́нья Семеновна, 1938 г. р.). Родственники жениха, переодевшись в ветхую одежду, обходили дома односельчан, собирая угощение, которое затем выставляли на свадебный стол. Обычай свадебного ряженья был распространен также у русских, удмуртов [Макашина 1997, 491; Христолюбова 1984, 32]. Устраивали также испытания для новобрачной на выдержку и спокойствие: в ее обязанности входила уборка помещения, где игралась свадьба.

Спустя несколько дней после свадьбы молодые с близкими родственниками собирались у родителей невесты. В качестве основного угощения в этот день, носивший название *блин сӕян лун* ‘день поедания блинов’, были блины и домашнее пиво. В случаях сокращения временной протяженности обряда, молодые с родственниками мужа навещали родителей невесты на третий день свадьбы.

В летний период проводился обряд послесвадебного «купания» невесты, символизировавший приобщение молодухи к новой социально-возрастной, семейно-родовой и иногда территориальной группе: *«летом обязательно купали в реке всех, кто вышел в этот год замуж, говорили вӧчам мӧлӧдка»* (‘делаем молодку’), *такая была традиция*» (Югова Альбина Ивановна, 1960 г. р.); *«если молодая до замужества жила в другой деревне, то когда ее купали в реке, говорили: “теперь ты наша”»* (Косолапова Валентина Михайловна, 1956 г. р.). Как правило, молодую неожиданно окунали в воду при стирке белья или во время сенокоса: *«Полоскать пошла и не слышала, дак толкнули в воду, а там еще глубоко было, еле и выбралась»* (Зизганова Августа Михайловна, 1944 г. р.). Традиция «купать» молодую была известна среди других групп коми-зырян, у коми-пермяков, удмуртов [Плесовский 1968, 115, Голева 2017, 116, Христолюбова 1984, 34].

Представленный полевой материал позволяет говорить о том, что в обозначенный период брак у летских коми санкционировался, прежде всего, благословением родителей, а также свадебным обрядом с участием родственников и односельчан. Брак продолжали заключать в соответствии с традиционным ритуалом, соблюдая все основные элементы обряда свадьбы: сватовство, «пропой», девичник, застолье в доме невесты и в доме жениха, обряды второго и третьего дня свадьбы. Сохранялись обряды, связанные с переходом невесты в другую семейно-родовую и социально-возрастную группу. Важную знаковую функцию, символизировавшую смену социального статуса девушки, выполняли вышедшие к этому времени из повседневного употребления традиционная одежда и девичий головной убор. Вместе с тем фиксируется упрощение обрядовых элементов, требовавших экономических затрат (подготовка приданого, подарков, выкупа), совмещение отдельных этапов свадьбы, утрата символического значения ряда церемоний.

ИНФОРМАНТЫ

Зизганова Августа Михайловна, 1944 г. р., д. Березовка, запись 2008 г.

Косолапова Валентина Михайловна, 1956 г. р., с. Черемуховка, запись 2008 г.

Лобанова Валентина Спиридоновна, 1937 г. р., с. Черемуховка, запись 2018 г.

Окишева Пелагея Григорьевна, 1933 г. р., с. Черемуховка, запись 2018 г.

Ортякова Аграфена Леонтьевна, 1937 г. р., д. Кулига, запись 2011 г.

Осипова Вера Павловна, 1938 г. р., с. Прокопьевка, запись 2018 г.

Перминова Акси́нья Семеновна, 1938 г. р., с. Черемуховка, запись 2018 г.

Перминова Прасковья Ивановна, 1926 г. р., с. Черемуховка, запись 2018 г.

Туркова Анна Михайловна, 1938 г. р., с. Летка, запись 2015 г.

Черных Мария Романовна, 1927 г. р., д. Корольки, запись 2008 г.

Югова Альбина Ивановна, 1960 г. р., с. Прокопьевка, запись 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю., Петрова (Матвиевская) Л. Ф. Свадьба: этос, миф и социальный проект // Первичные знаки / Назначенная реальность. С-Пб., 2017. С. 117–170.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.
- Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- Бойко Ю. И. Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.). // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 2018. Т. 38. № 1. С. 191.
- Васеха М. В. Политика внедрения «нового быта» и ее влияние на семейно-брачные отношения в 1920–е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. М.: Индрик, 2016. С. 295–338.
- Васеха М. В. Реформы в области семьи и брака 1920-х гг. и их восприятие сибирскими крестьянками // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Временко, В. Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. Т. 2. С. 180–185.
- Голева Т. Г. Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (38). 2017. С. 111–119.
- Золотова Т. С., Иванова А. А., Шестакова И. Н. Вятская свадьба: Монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 2001. 96 с.
- Корепова К. Е. Русская свадьба в середине XX в. (по материалам Нижегородского Поволжья) // Традиционная культура. Научный альманах. № 3 (59). 2015. С. 121–133.
- Крашенинникова Ю. А. Записи русских свадебных приговоров в финно-угорских традициях (о некоторых особенностях бытования жанра русского свадебного обряда в иноэтнической среде) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. № 11. С. 86–93.
- Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир: материалы международной научной конференции. Вып. 10. М., 2007. С. 33–51.
- Лимеров П. Ф. Свадьба // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. С. 129–144.
- Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русские. М.: Наука, 1997. С. 466–499.
- Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века / Отв. ред. И. В. Власова. М., 2001. С. 473–574.
- Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. 112 с.
- Мусанова С. С. Прощание с девьей красотой в свадебных причитаниях прилузских коми // Традиционная культура. Научный альманах. № 3. 2011. С. 47–59.
- Песецкая А. А. Одежда как элемент свадебного обмена у марийцев (кон. XIX – нач. XX вв.) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. № 2. 2019. С. 312–324.
- Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
- Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89.
- Самодолова Е. А. Рязанская свадьба: традиционная и современная // Русские Рязанского края: В 2-х тт. Т. 2. М.: Индрик, 2009. С. 56–115.
- Свадебная традиция летских коми // Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми в 3-х томах: Т. 1: Обрядовые, празднично-игровые и конфессиональные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2020. 376 с.: ил.
- Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифологических представлений коми (зырян). СПб.: Изд-во СПб. университета, 1992. 152 с.
- Смирнов И. Н., Попов Н. С. Марийская свадьба // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 156–173.
- Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
- Шевченко Е. А. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиции) // Слово и текст: история, культура, этнос. Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар, 2009. С. 229–237.
- Научный архив Коми научного центра РАН (НА КНЦ):
НА КНЦ Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 48. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции в 1959 г. Сыктывкар, 1960.

НА КНЦ Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 140. Жеребцов Л. Н., Гагарин Ю. В., Грибова Л. С., Куратов Н. И., Дукарт Н. И. Научный отчет об этнографической экспедиции 1966 г. в Прилузский район Коми АССР, Кировскую область и Коми-Пермяцкий национальный округ Пермской области. Сыктывкар, 1967.

Научный архив Национального музея Республики Коми (НА НМРК):

НА НМРК. Ед. хр. 199. Попов С. А. Фольклор коми Летского района 1928–1929 гг.

Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (ФА СыктГУ): ФА СыктГУ. Прилузское собрание, АФ 1339–2: июль 1999 г., Республика Коми, Прилузский район, с. Гурьевка, Осипова Е. С., 1936 г. р.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Бойко Юлия Ивановна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: boyko_yulia@mail.ru

Yu. I. Boyko

WEDDING RITUALS OF THE LETSKY KOMI IN THE 1950s – 1960s

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-306-315

Based on field and archival materials, the article examines the Letsky Komi wedding ritual complex in the 1950s–1960s. The purpose of the article is to reveal the main changes of the ritual, to identify the most significant traditional wedding elements, the implementation of which continued to be considered mandatory. The presented material allows us to say that during the indicated period, marriage among the Letsky Komi was sanctioned, first of all, by the parents' blessing as well as by a wedding ceremony with the participation of relatives and fellow villagers. Marriage continued to be concluded in accordance with the traditional ritual, which included the main stages of the wedding: matchmaking, drinking, bachelorette party, feast in the bride's house and in the groom's house, rites of the second and third days of the wedding. The rituals associated with the transition of the bride to another family, tribal and social age group were preserved. At the same time, some stages of the wedding ritual turned out to be combined, there was a simplification of ritual elements that required economic costs, the significance and meaning of a number of ritual acts were changed and lost.

Keywords: Letsky Komi, wedding ritual, local tradition.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 2. P. 306–315. In Russian.

REFERENCES

Adon'eva S. B., Veselova I. S., Marinicheva Yu. Yu., Petrova (Matvievskaya) L. F. *Svad'ba: ehtos, mif i sotsial'nyi proekt* [Wedding: ethos, myth and social project]. *Pervichnye znaki / Naznachennaya real'nost'* [Primary Signs / Assigned Reality]. St. Petersburg, Popovsky Center: Humanitarian Research in the Field of Traditional Culture Publ., 2017, 336 p. In Russian.

Belitser V. N. *Ocherki po etnografii narodov komi. XIX – perv. pol. XX vv.* [Essays on the ethnography of the Komi peoples. XIX – first half of the XX centuries]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, 373 p. In Russian.

Bernshtam T. A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v. Ehtnograficheskie ocherki* [Russian folk culture of Pomorie in the 19th – early 20th centuries. Ethnographic essays]. Leningrad, Science Publ., 1983, 233 p. In Russian.

Boiko Yu. I. *Traditsionnaya kul'tura priluzskikh komi (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)* [The traditional culture of the Priluzian Komi (late 19th – first half of the 20th centuries)]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. T. 38. № 1* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. Vol. 38. no. 1]. Kazan, 2018, 191 p. In Russian.

Vasekha M. V. *Politika vnedreniya «novogo byta» i ee vliyanie na semeino-brachnye otnosheniya v 1920–e gody* [The policy of introducing a "new way of life" and its impact on family and marriage relations in the 1920s]. *Traditsionnaya kul'tura russkogo naroda v period 1920–1930–kh* [Traditional culture of the Russian people in the period 1920–1930s]. Moscow, IndrikPubl., 2016. P. 295–338. In Russian.

Vasekha M. V. *Reformy v oblasti sem'i i braka 1920–kh gg. i ikh vospriyatie sibirskimi krest'yankami* [Family and marriage reforms in the 1920s and their perception by Siberian peasant women]. *Reformy v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konf.* [Reforms in the everyday life of

the population of Russia: history and modernity: materials of an international scientific conference]. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2020, Vol. 2. P. 180–185. In Russian.

Goleva T. G. *Terminologiya i sodержanie ritualov komi-permyatskoy svad'by: Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii* [The terminology and content of the rituals of the Komi–Permian wedding: Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. Bulletin of archeology, anthropology and ethnography, 2017, Vol. 3 (38). P. 111–119. In Russian.

Zolotova T. S., Ivanova A. A., Shestakova I. N. *Vyatskaya svad'ba: Monografiya* [Vyatka wedding: Monograph] Yoshkar–Ola, Mar. gos. un–t., 2001, 96 p. In Russian.

Korepova K. E. *Russkaya svad'ba v seredine XX v. (po materialam Nizhegorodskogo Povolzh'ya)* [Russian wedding in the middle of the XX century. (based on materials from the Nizhny Novgorod Volga region)]. *Traditsionnaya kul'tura. Nauchnyi al'manakh* [Traditional culture. Scientific almanac]. Moscow, no. 3 (59), 2015. P. 121–133. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. *Zapisi russkikh svadebnykh prigovorov v finno–ugorskikh traditsiyakh (o nekotorykh osobennostyakh bytovaniya zhanra russkogo svadebnogo obryada v inoehtnichnoi srede)* [Records of Russian wedding sentences in the Finno–Ugric traditions (about some of the peculiarities of the genre of the Russian wedding ceremony in a non-ethnic environment)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologicheskie nauki.* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Philological sciences]. Kirov, 2015, no. 11. P. 86–93. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. *Svadebnye prigovory i dialogi Priluzskogo raiona Respubliki Komi* [Wedding verdicts and dialogues of the Priluzsky district of the Komi Republic]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura I sovremenniy mir: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Slavic traditional culture and the modern world: materials of an international scientific conference]. Moscow, 2007, no. 10. P. 33–51. In Russian.

Limerov P. F. *Svad'ba [Wedding]. Narody Povolzh'ya I Priural'ya. Komi–zyryane. Komi–permyaki. Mariitsy. Mordva. Udmurty* [Peoples of the Volga and Urals. Komi Zyryans. Komi–Perm. Mari. Mordva. Udmurts]. Moscow, Science Publ., 2000. P. 129–144. In Russian.

Makashina T. S. *Svadebnyy obryad: Russkie* [Wedding ceremony: Russians]. Moscow, Science Publ., 1997. P. 466–499. In Russian.

Makashina T. S. *Svadebnyi obryad* [Wedding ceremony]. *Russkii Sever: ehntnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX veka* [Russian North: ethnic history and folk culture of the XII–XX centuries]. Moscow, 2001. P. 473–574. In Russian.

Molotova T. L. *Mariiskiy narodnyi kostum* [Mari folk costume]. Yoshkar–Ola, 1992. 112 p. In Russian.

Musanova S. S. *Proshchanie s dev'ei krasotoi v svadebnykh prichitaniyakh priluzskikh komi* [Farewell to maiden beauty in the wedding lamentations of the Priluzian Komi]. *Traditsionnaya kul'tura. Nauchnyi al'manakh* [Traditional culture. Scientific almanac]. Moscow, no 3, 2011. P. 47–59. In Russian.

Pesetskaya A. A. *Odezhdka kak ehlement svadebnogo obmena u mariytsev (kon. XIX – nach. XX vv.)* [Clothing as an element of the wedding exchange among the Mari (end of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Ezhegodnik finno–ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno–Ugric Studies]. Vol. 13, no 2, 2019. P. 312–324. In Russian.

Plesovskii F. V. *Svad'ba naroda komi: Obryady I prichitaniya* [The Komi People's Wedding: Rites and Wailings.]. Syktyvkar, Komi book publishing house Publ., 1968, 320 p. In Russian.

Pushkareva N. L., Kaz'mina O. E. *Rossiiskaya sistema zakonov o brake v XX v. i traditsionnye ustanovki* [Russian system of laws on marriage in the XX century and traditional installations]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. Moscow, 2003, no. 4. P. 67–89. In Russian.

Samodelova E. A. *Ryazanskaya svad'ba: traditsionnaya i sovremennaya* [Ryazan wedding: traditional and modern]. *Russkie Ryazanskogo kraia: V 2–kh tt* [Russians of Ryazan Territory: In 2 vols.]. Moscow, 2009, Vol. 2. P. 56–115. In Russian.

The Wedding Tradition of the Letsky Komi // Objects of Intangible Cultural Heritage of the Komi Republic in 3 volumes: Volume 1: Ritual, festive, game and confessional traditions. Syktyvkar: State Autonomous Institution of the Komi Republic "Center for Folk Arts and Crafts", 2020. 376 p.: ill.

Semenov V. A. *Traditsionnaya semeinaya obryadnost' narodov Evropeiskogo Severa: K rekonstruktsii mifologicheskikh predstavlenii komi (zyryan)* [Traditional family rituals of the peoples of the European North: Towards the reconstruction of mythological representations of the Komi (zyryan)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publishing House Publ., 1992, 152 p. In Russian.

Smirnov I. N., Popov N. S. *Mariyskaya svad'ba: Mariytsey. Istoriko–ehtnograficheskie ocherki. Kollektivnaya monografiya.* [Mari wedding: Mari. Historical and ethnographic essays. Collective monograph]. Yoshkar–Ola, MarNIIYALI, 2005. P. 156–173. In Russian.

Khristolyubova L. S. *Semeynye obryady udmurtov (traditsii i protsessy obnovleniya)* [Family rituals of the Udmurts (traditions and processes of renewal)]. Izhevsk: Udmurtia, 1984, 128 p. In Russian.

Shevchenko E. A. *Otazhenie vzaimodeistviya kul'tur v structure i semantike svadebnogo obryada (na material luzskoi I priluzskoi traditsii)* [Reflection of the interaction of cultures in the structure and semantics of the wedding ceremony (based on the material of the Luz and Priluz traditions)]. *Slovo i tekst: istoriya, kul'tura, ehtnos. Sbornik nauchnykh trudov pamyati Lidii Yakovlevny Petrovoi* [Word and text: history, culture, ethnos. Collection of scientific works in memory of Lydia Yakovlevna Petrova]. Syktyvkar, 2009. P. 229–237. In Russian.

Nauchnyi arkhiv Komi nauchnogo tsentra RAN (NA KNTs) [Scientific Archive of the Komi Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]:

NA KNTs. F. 1. Op. 13. Ed. khr. 48. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Otchet Priluzskoi ehknograficheskoi ehkspeditsii v 1959 g. Syktyvkar, 1960. In Russian.

Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Komi (NA NMRK).

NA NMRK. Ed. khr. 199. Popov S. A. Fol'klor komi Letskogo raiona 1928–1929 gg.

Fol'klornyi arkhiv Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta (FA SykTGU).

FA SykTGU. Priluzskoe sobranie, AF 1339–2: iyul' 1999 g., Respublika Komi, Priluzskii raion, s. Gur'evka, Osipova E. S., 1936 g. r. In Russian.

Received 17.01.2022

Boyko Yulia Ivanovna,

Candidate of Sciences (History), Research Associate,

Institute of Language, Literature, and History, Komi Scientific Centre, UrO RAS
26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation

E-mail: boyko_yulia@mail.ru